

Виктор Чарушников

В ГОСТЯХ У ЗИНАИДЫ КОЛЕСНИКОВОЙ

из дневниковых записей

Электронная публикация подготовлена
специально для библиотеки

IMWERDEN

2019

Зинаида Бодe
1918

В 1984 году мы с Павлом Ивановичем Чарушниковым, моим дядей, на электричке отправились в Кратово к Зинаиде Александровне Колесниковой (Боде по отцу). Был погожий летний день, электричку слегка покачивало, ехали молча, не разговаривая, каждый, видимо, задумавшись о своём, и вот слышу голос дяди Павла, но в суть не вникаю: «А вот здесь после революции, в году 18, мы катались с горки, а князь Сергей кидал вилами сено и пел песню «Священная война», — и правой рукой указал на строения с левой стороны по ходу поезда.

Я машинально взглянул по направлению руки и продолжал думать о чём-то своём, не вникая в сказанное. Имя «князь Сергей» у меня было на слуху, его иногда произносила Наташа Лейтейзен, но я никогда не уточнял у неё связи с этим именем. Песня «Священная война» — тоже на слуху, есть такая песня, но вот на то, что было сказано «в 18 году», из-за своих дум не обратил внимания и ни одного вопроса не задал: почему 18 год, когда она появилась в самые первые дни войны?

Так молча и доехали до Кратова. А там при встрече с Зинаидой Александровной пошёл её рассказ о том, кем и как была написана песня «Священная война». Выходило, что она была написана её отцом, Александром Адольфовичем Боде, в 1916 году. Перед своей кончиной текст песни отец направил Лебедеву-Кумачу. С началом войны в Кратовский поссовет приезжал поэт Лебедев-Кумач и хотел встретиться с А. Боде, но он уже к этому времени скончался, скончалась и его жена, и Лебедев-Кумач, не пожелав встретиться с его дочерью, уехал в Москву, посчитав, видимо, для себя, что все проблемы с авторскими правами отпали сами собой.

Текст этой песни был напечатан в газетах, а вскоре она была исполнена хором и передавалась по радио. В 1942 году, проездом на фронт, в родной дом заехал сын Андрей — артиллерист (это, помнится, была их последняя встреча) и сказал, что слышал дедушкину песню, но частично с новыми словами. Зинаида Александровна рассказала мне и дяде Павлу, что писала письмо по этому поводу в «Литературную газету», что просила Варю (Варвару Васильевну Лейтейзен, мать Наташи), чтобы она написала свои воспоминания об этом, но она так и не написала. И ещё кого-то просила, но безответно.

Тут я вспомнил, что в конце 70-х годов, будучи в Москве, останавливался у тётки Вари, сестры моего отца, и она как-то обронила фразу, что вот, мол, с наступлением лета она хочет выехать с Наташей на дачу в Кратово, где они иногда проводили лето, но она до сих пор не написала один документ и не хочет его писать, а хозяйка этой дачи очень его просит, и как быть? На мой совет, хотя я не знал о чём речь, — напишите, махнула рукой, сказав, что попробует, но желания никакого писать нет, а тем более подписывать, сделав ударение на «подписывать», мол, лучше не поедем. Видимо, это был тот самый документ-воспоминание, о котором просила Зинаида Александровна.

Оставшись с дядей Павлом наедине, в саду, я спросил его: «А насколько это верно?» Он посмотрел на меня, помолчал и сказал: «А кому это сейчас нужно?» Я подумал: «Сколько времени ушло — правда, кому?» Больше на эту тему у меня с ним разговора не было никогда, но фраза, произнесённая им в вагоне электрички, у меня в памяти засела: «А вот здесь после революции, в году 18, мы катались с горки, а князь Сергей кидал вилами сено и пел песню «Священная война». Несколько раз в те далёкие уже годы проезжал электричкой это место, оглядываясь на строения, на которые рукой показал дядя Павел, и вспоминал эту фразу.

Я понимаю, что мои воспоминания не могут служить документальным свидетельством, но что было, то было*.

* * *

В конце апреля 2015 года случайно в Интернете обнаружил статью Игоря Евгеньевича Шапа «Об авторстве песни «Священная война» (случайно потому, что мне в этом вопросе всё было ясно, и я не обращался к Интернету в поисках истины по этой теме), в ней имелась сноска на работу Евгения Николаевича Потапова «Священная война», который, в свою очередь, воспроизводит в тексте своей работы копию научной экспертизы авторства этой песни, выполненной Е. М. Левашовым «Судьба песни. Заключение эксперта»**, страницы 305–330. Здесь на страницах 309–310 нахожу следующие строки: «Очень большой силой доказательства обладает также свидетельство Варвары Васильевны Лейгейзен — давнишней подруги Зинаиды Александровны и её соседки по Рыбинску. Хотя этот документ подписан 3 апреля 1981 года, он наполнен точными деталями жизни, быта и дружбы двух семей

* Записи сделаны В. А. Чарушниковым в разное время. Первая датируется августом 2013 г.

** См.: *Левашёв Е. М.* «Судьба песни [экспертиза авторства песни „Священная война“]» (2001). С. 298. <http://imwerden.de/publ-5503.html>

в годы Первой мировой войны. Причём рассказ о улице и доме, где они жили, о гимназиях, где учились они и их братья, о главах семейств — Василии Ефимовиче Благослаове и Александре Адольфовиче Боде — красноречиво дополняется описанием декламационно-речитативной манеры исполнения автором ещё до революции 1917 года своей песни «Священная война».

Убеждает и следующее соображение: ни Зинаида Александровна, ни её подруга никогда не занимались, да и просто не могли по условиям почти нищенской жизни в советское время заниматься исследованием Рыбинских дореволюционных газет, которые хранятся в труднодоступных отделах библиотек Москвы, Петербурга, Ярославля. Вместе с тем, их воспоминания о проходивших в апреле — мае 1916 года в Рыбинске благотворительных концертах в пользу раненых солдат (именно тогда А. А. Боде, по свидетельству знавших его людей, исполнял свою песню) с весьма высокой точностью подтверждаются газетными объявлениями («Вестник Рыбинской биржи» и «Рыбинская газета» за апрель — май 1916 года).

Для меня это было несколько неожиданно, так как хорошо помню сетования Зинаиды Александровны Боде на то, что никто не откликается на её просьбу с воспоминаниями о песне, созданной её отцом в Рыбинске в 1916 году, и происходило это в 1984 году летом. В экспертном заключении об авторстве песни Е. М. Левашов говорит о письме Варвары Васильевны Лейтейзен как о свершившемся факте ещё в 1981 году, и даёт точную дату его подписания 03.04.1981 года. При виде этой даты мне стало многое понятно. Да, Варвара Васильевна Лейтейзен (по рождению Благослаова) — моя тётя — в те далёкие, конца 70-х, годы, когда при мне обронила фразу, что ей надо написать один документ, который от неё ждёт хозяйка дачи (её подруга З. А. Колесникова-Боде), имела в виду именно это письмо-воспоминание о создании песни «Священная война» в 1916 году в Рыбинске её отцом А. А. Боде.

Но в те годы создать такой документ (письмо) и передать его по адресу Варвара Васильевна не решалась — опыт прожитой ею нелёгкой жизни как бы говорил, что торопиться не следует. Ещё свеж был в памяти тот майский день, 1938 года, когда её мужа — Мориса Гавриловича Лейтейзена (конструктора ракетных двигателей) арестовали, а почти через год, в апреле 1939, его не стало, но об этом она узнала значительно позже, в пятидесятых годах. Но как человек честный, ответственный и состоящий в дружеских отношениях с хозяйкой дачи З. А. Колесниковой (Боде) с детских лет, она обдумывала просьбу своей подруги. Когда продуманное письмо было всё же ею написано и пришло время осознания, что затягивать более нельзя, под ним и была

Варвара Васильевна и Наташа Лейтейзен
Москва. 12 ноября 1969

поставлена уже известная нам дата — 03.04.1981 года. А 10.04.1981 года Варвара Васильевна скончалась. Она ушла, выполнив долг перед подругой, а, главное, перед Историей, осталось только правильно распорядиться оставленной ею информацией, в которой нет ни грана вымысла, домысла, а всё основано на свидетельской памяти происходивших событий того времени, сомневаться в которых лично я не нахожу смысла, тем более, что независимо от тёти Вари существование этой песни в те далёкие годы озвучил и мой дядя Павел, при нашей первой поездке к Зинаиде Александровне в 1984 году в вагоне электрички: «А вот здесь после революции, в году 18, мы катались с горки, а князь Сергей кидал вилами сено и пел песню «Священная война»».

По прошествии многих лет и малом моём любопытстве в те годы сейчас не скажешь, кто такой «князь Сергей», и как он был связан с нашими семьями. Помню, что о нём упоминала не более 10 раз в разговорах-воспоминаниях Наташа Лейтейзен при наших общих с ней беседах, при которых иногда присутствовала и Варвара Васильевна, и один раз было упомянуто дядей Павлом в электричке, где о нём было

Варвара Васильевна Лейтейзен
12 ноября 1969

сказано как будто об общем знакомом, которого я должен был знать, и которого он-то хорошо знал.

По всей видимости, этот человек некоторое время проживал в Рыбинске и был близок к семьям Боды и Благославовых, а Благославы и Чарушниковы — это родственные семьи (а в 20-е годы мой отец с матерью и братом Павлом в Москве какое-то время жили в семье Боды), и дети Благославовых часто гостили в семье Чарушниковых в гостях у матери, жившей в то время с моим дедом Иваном Петровичем Чарушниковым. Возможно, что невзгоды, выпавшие в те годы на многие семьи, заставляли близких общих знакомых держаться в какой-то степени вместе. Князь Сергей, покидая Рыбинск, где его знали многие, и поэтому ему было опасно оставаться в городе, оказался, по всей видимости, по совету Благославовых в Подмоскowie, рядом с семьёй Чарушниковых, а, возможно, и у них, проживавших в то время недалеко от нынешнего Кратова, после того, как ими был покинут дом в имении «Ново-Никольское». И получается, что проезжая знакомые с детства места, на моего флегматичного дядю Павла, видимо, и нахлынули воспоминания о далёких временах, и он произнёс единственную

фразу за всю дорогу: фразу о песне «Священная война». Обратись в это время к нему, можно было получить порцию скупых рассказов о том времени, но я был поглощён какими-то своими думами, о чём сегодня сожалею.

Зинаида Александровна Боду досадовала при нашей первой встрече в 1984 году о том, что не имеет ни от кого свидетельских показаний. Но, как выясняется, письмо Варварой Васильевной было всё же написано и датировано 03.04.1981 годом, за неделю до её ухода из жизни. Почему оно в то время не попало Зинаиде Александровне? Возможно, что оно и ей было адресовано, а, возможно, иному человеку, но понятно одно — оно попало в руки человека порядочного и заинтересованного, возможно, и узнавшего о Варваре Васильевне от самой Зинаиды Александровны и выполнившего свой долг — письмо не пропало, а оказалось в числе экспертных документов.

В настоящее время я могу сказать, что, зная свою тётю Варвару Васильевну Лейтейзен и осознавая, что она не могла после себя оставить какую-либо неправду в описании создания песни «Священная война» в 1916 году А. А. Боду в городе Рыбинске, которую при жизни ей не хотелось раскрывать, чтобы, не дай бог, не осложнить свою жизнь, и так довольно нелёгкую, подписываюсь под её письмом, хотя понимаю, что это не может являться даже косвенным свидетельским показанием, но что было, то было*.

* * *

Изредка проглядывая знакомые работы, посвящённые созданию песни «Священная война», размещённые в Интернете, неожиданно для себя наткнулся, как я понимаю, на разгадку создания этой песни А. А. Боду в Рыбинске в 1916 году и удивился: вот же она!

Это как если бы два-три человека независимо друг от друга изложили видение какого-либо одного и того же события, и это изложение в основных ключевых подробностях у них полностью совпадало, — значит, это событие имело место быть. Так и здесь: уже как более года находилась возможность сопоставить две независимые работы, в которых есть строки, при прочтении которых следовало уверенное ощущение: да, песня «Священная война» написана в 1916 году А. А. Боду.

Но для этого необходимо было случайным или не случайным образом строки из одной работы сравнить со строками другой работы, что я почти случайно и сделал, а сделав, осенило: вот два независимых текста, в которых близкими по смыслу словами излагается момент

* Вторая запись сделана в мае 2015 г.

в сотворении песни и её исполнения автором в далёком 1916 году. Авторами этих текстов, написанных в разное время, но по одному и тому же поводу, но в разных ситуациях являлись моя тётя Варвара Васильевна Лейтейзен (по рождению Благославова) и Зинаида Александровна Колесникова (по рождению Боде), подруга Варвары Васильевны с детских лет.

Вот эти работы: первая — это «Экспертиза авторства песни, выполненная Е. М. Левашовым «Судьба песни. Заключение эксперта», с. 309–310, размещённая в работе Евгения Николаевича Потапова «Священная война» и вторая — это «К 100-летию песни „Священная война“, первый раздел, автор И. Е. Шап. Здесь мне придётся несколько повториться: привести частично абзац из работы Е. М. Левашова (с. 309–310), ранее воспроизведённый мною в мае 2015 года. «Очень большой силой доказательства обладает также свидетельство Варвары Васильевны Лейтейзен — давнишней подруги Зинаиды Александровны и её соседки по Рыбинску (имеются в виду годы до 1918 — *В. Ч.*), хотя этот документ подписан 3 апреля 1981 года (10 апреля 1981 года Варвара Васильевна, подписав 3 апреля составленное ранее воспоминание, ушла из жизни. — *В. Ч.*), он наполнен точными деталями... ..красноречиво дополняются описанием декламационно-речитативной манерой исполнения автором ещё до революции 1917 года своей песни „Священная война“». А на странице 305 этой же работы Е. М. Левашов отмечает, явно пользуясь воспоминаниями Варвары Васильевны Лейтейзен, что весной 1916 года «...эта песня была исполнена автором частично в пении, а частично в речитативной декламации во втором отделении одного из концертов в честь раненых на германском фронте русских солдат». В этом заключении обратим особое внимание на те строки, в которых говорится о манере исполнения песни: декламационно-речитативное с частичным пением. Это было авторское исполнение, известное лишь небольшому кругу близких друзей, соседей. А теперь обратимся к работе И. Е. Шапа, где им воспроизводятся примечания к куплетам (строфам) песни «Священная война», сделанные Зинаидой Александровной Колесниковой, дочерью А. А. Боде, в письме к главному редактору «Литературной газеты» в октябре 1981 года. Вот эти примечания с пояснениями И. Е. Шапа: «Первая и вторая строфы песни с левой стороны объединены фигурной скобкой с записью. Напротив скобки вертикальная запись — *Отец пел всегда полным голосом.* Третья и четвёртая строфы песни также объединены фигурной скобкой с записью — *Чаще декламировал.* Пятая строфа (Пусть ярость...) — возле фигурной скобки записано — *Всегда полным голосом.* Шестая (Не смеют...) и седьмая строфы (Гнилой...) объединены фигурной скобкой с записью — *Чаще декламировал.*

Последние четыре строфы объединены большой фигурной скобкой с записью — *Полным голосом пел*»*.

Таким образом, Зинаида Александровна Колесникова в письме в «Литературную газету» описала исполнение песни автором-отцом в 1916 году в той же самой манере: декламационно-речитативной с частичным пением полным голосом, что и отмечается Е. М. Левашовым в своём экспертном заключении о свидетельстве исполнения, описанное Варварой Васильевной: «декламационно-речитативной манеры...», «... исполнена автором частично в пении...».

Такие точные, но независимые друг от друга воспоминания в описании исполнения песни, свидетельствуют лишь об одном: эта песня создана и исполнялась автором в 1916 году. И исполнялась она не только в мае при проводах солдат и офицеров, возвращавшихся на фронт после ранений и болезней, но и очень часто в домашней обстановке, как об этом вспоминала сама Зинаида Александровна: «Отец любил эту песню, и она часто исполнялась им у нас дома». И по её же словам, мелодия к песне была создана её мамой, имеющей консерваторское образование, и за основу ею была взята мазурка с музыкальным размером три четверти (воспроизвожу чисто по памяти — сам в музыке не понимаю. — *В. Ч.*).

В этом доме в Рыбинске на первом этаже жила семья Благодославых, а на втором этаже семья учителя А. А. Боде. И они в наступавшем юношеском возрасте, 15–17 лет, не единожды слушали эту песню в 1916–1918 годах в авторской манере исполнения, декламационно-речитативной с частичным пением, что и запало в их памяти на долгие годы. И когда пришло время воспроизвести и описать эту манеру исполнения, память не подвела ни Варвару Васильевну, ни, тем более, Зинаиду Александровну. Они независимо друг от друга подметили и описали манеру исполнения автором этой песни, которую в советское время никто и никогда при исполнении не производил: песня всегда исполнялась полным голосом, и моментов декламации в ней никогда не было.

Так что же подвигло этих женщин взяться за воспоминания о создании песни «Священная война» в Рыбинске в 1916 году? Зинаида Александровна — это понятно, дочь автора песни перед уходом из жизни решила восстановить исторически-подлинное рождение песни «Священная война» в 1916 году. При этом она к В. И. Лебедеву-Кумачу

* Записи Зинаиды Александровны Колесниковой, скопированные Андреем Ивановичем Чарушиным опубликованы. См.: *Колесникова З. А.* «Переписка с «Литературной газетой»: https://nestoriana.wordpress.com/2019/05/20/kolesnikova_bode/

никаких претензий в плагиате не предъявляла. А, как я хорошо помню, говорила, а ранее и писала, что благодарна ему за то, что он всё же исполнил просьбу автора песни А. А. Бодя, передал её для оркестровки А. В. Александрову, как и желал её отец. И песня, хоть и в несколько изменённом виде, а это было требование времени, зазвучала, поднимая и воодушевляя народ на битву с фашизмом. Ей было только горько от того, что основной автор слов, который в далёком 1916 году выстрадал её, выплеснув из своей наболевшей души, видя ежедневно трагические последствия войны, остался в стороне от песни, ей хотелось исторически восстановить правду создания песни, более ни на что она не претендовала.

И когда в 1976 году она по телевизору увидела выступление Б. А. Александрова с краткими словами о песне «Священная война», ею и было написано ему письмо, в котором была описана история создания песни... но ответа получено не было. Отсутствие ответа расстраивало её, началось обдумывание иных вариантов по воссозданию исторической правды. Обращаясь к своим знакомым, в поисках свидетелей создания и исполнения песни «Священная война» её отцом в городе Рыбинске, а их к этому времени осталось не так уж и много, а оставшиеся прожили тяжкие годы с выпавшими на них невзгодами, в причину которых вспоминать и что-то писать, при этом подписывая, не очень-то каждому из них и хотелось, она чувствовала, что понимания среди своих друзей она не находит. Как говорила сама Зинаида Александровна, что на её просьбу никто пока не откликается, даже Варя, одна из лучших подруг.

Это говорилось при мне и при дяде Павле по лету 1984 года. Этот вакуум образовавшегося вокруг неё молчания заставляет её искать иной путь восстановления памяти отца в создании песни «Священная война», при этом, она не претендует ни на что, кроме самой этой памяти. В октябре 1981 года она решается направить письмо главному редактору «Литературной газеты» (приведено полностью в работе И. Е. Шапа «К 100-летию песни «Священная война» и ответы на него из газеты). Но ответы её не радуют. Свидетельских писем-документов на руках, по признанию Зинаиды Александровны, не было как в 1984 году, так и в 1985 году, и позже; годы незаметно подкатили к 1988, в нём и оборвалась земная жизнь Зинаиды Александровны Колесниковой.

А я вспоминаю один эпизод, где-то в конце 1970-х годов, а если точнее, то вернее всего он приходится на март месяц 1979 года. В этом месяце я оканчивал МИИГАиК (Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии) и приехал на защиту дипломной

работы. Оказавшись у тётки Вари, а не виделись мы с ней около пяти месяцев, приобнялись по-родственному, зашли в комнату, и она сразу же стала говорить, что у неё сейчас возникла проблема: надо бы с Наташей выехать с наступлением лета на дачу в Кратово к своей подруге, но подруга эта, хозяйка дачи, просит её подготовить один документ, а писать его ей совсем не хочется, и как быть? Но мой принцип тогда был: никаких вопросов, никаких расспросов, что считалось нужным, рассказывалось, что не считалось, — значит, и не нужно мне было знать. Поэтому услышав про какой-то документ, я незамедлительно сказал, не спросив, что за документ: «Напишите». Был мах рукой, было сказано, что попробует, но желания нет...

И только по прошествии лет, вспоминая её взгляд, обращённый на меня в тот самый момент, а за этим взглядом, как сейчас понимаю, было желание поделиться с вдруг появившемся близким человеком той проблемой, которая, видимо, уже некоторое время не давала покоя тётке Варя, и ей хотелось просто выговориться, поделиться, возможно, пообсуждать, если хоть и не решить свалившуюся проблему, то хоть облегчить душу в разговоре... Но не понял я её тогда, по своим молодым годам, сказав: «Напишите». И вспоминаю сейчас её лёгкую растерянность в этот момент: она продолжала некоторое время, не двигаясь, стоять и как-то вопросительно смотреть на меня, видимо, решая: продолжить попытку разговора о наболевшем или нет... Попытки не было... Всё вошло в обычную повседневность, пошли уже бытовые расспросы, а я был лишён, как сейчас понимаю, интересного рассказа о той части жизни, что выпала на её долю в Рыбинске, и что эту жизнь, и просит изложить её подруга, скрепив подписью, а этого ей, ой, как не хочется. Ведь и неприятности из-за этой правды можно спокойно заполучить, сколько их было в жизни... А менее чем через два года тётка Варя ушла из жизни...

А в моем изложении от мая 2015 года (смотреть выше) рассказано, как я узнал, что письмо-документ, который хотела получить Зинаида Александровна от своей подруги, был Варварой Васильевной все же написан, и подписан ею за неделю до ухода из жизни. Только ни Варвара Васильевна, ни Зинаида Александровна так и не узнали, что на суде, проходившем где-то через пару десятилетий от составления этого свидетельского показания, судья даже не обратил внимания на него, заявив об отсутствии необходимости учёта судом мнения экспертов... Такова жизнь...

Мне просто повезло, что я почти случайно просмотрел и сопоставил одновременно два независимых, но похожих описания, в которых рассказывается об авторском исполнении песни «Священная война» в декламационно-речитативной манере с частичным пением. В советское

время эта песня никогда не исполнялась в такой же манере и описаний об этом не имеется. О таком авторском исполнении помнили только лишь ставшие уже довольно пожилыми, а тогда, в 1916 году, совсем ещё юные девочки, оставившие об этом исполнении перед уходом из жизни свои свидетельские письма, что и помогает сегодня закрепить авторство песни за А. А. Бодe. А ранее мною рассказывалось (смотреть выше: 2013 г. и 2015 г.), что в 1984 году я уже имел для себя независимый состав свидетелей её создания, который дополнился в 2015 году. Ими стали: мой дядя Павел Иванович Чарушников, моя тётя Варвара Васильевна Лейтейзен, и, наконец, сама дочь А. А. Бодe Зинаида Александровна.

Естественно, что и правнуки А. А. Бодe Михаил Юрьевич, и Александр Юрьевич Бодe содержат в своей памяти рассказы своих родственников о своём прадеде, и об его песне «Священная война». Кстати, Александр Юрьевич в своё время был свидетелем со стороны ответчика на суде, рассматривающем авторство этой песни, но на заключительное заседание суда вызван не был, значит, и дать соответствующие показания на заключительном этапе судебного разбирательства, отстаивая авторство прадеда, он не мог, что, в принципе, и было необходимо судье. Решение судьёй было вынесено, в силу заполитизированности, рассматриваемого им на то время, дела, с игнорированием при этом экспертных заключений и имеющихся свидетельских показаний, в пользу В. И. Лебедева-Кумача.

Имеются также мелькающие в Интернете описания о существовании этой песни ранее 1941 года (их мало, но они есть). И найдена Андреем Черновым (см. «Священная война». Автор слов Александр Бодe») строка, принадлежащая А. А. Бодe, которая никогда в советское время не исполнялась и в текстах песни не встречалась, а в одном доступном на сегодня для просмотра черновике В. И. Лебедева-Кумача оказалась. Вот эта строка, принадлежащая перу А. А. Бодe и находящаяся в черновике В. И. Лебедева-Кумача: «Во всём различны мы –...», но В. И. Лебедев-Кумач переиначивает её в окончательном своём варианте следующим образом: «Во всём враждебны мы...», таким образом, только одной

Павел Иванович Чарушников
1961

этой строкой выдавая использование текста А. А. Бодя как черновика при работе над своим вариантом песни «Священная война».

И вторично Андрей Чернов в этом же черновике находит слово, заимствованное Лебедевым-Кумачом у А. Бодя. Вот это слово — «отребье» — оно находится в варианте черновика, который, по всей видимости, дорабатывался им уже после первой публикации «Священной войны». Лебедев-Кумач в спешке работая над текстом стихотворения и пытаясь уйти от слов варианта А. Бодя, использует в тексте стихотворения слово «отродье», заменив им слово «отребье» в соответствующем куплете, созданном А. Бодя. Так, «отродье» и вошло в первоначальный текст «Священной войны», опубликованный в газетах «Известия» и «Красная звезда». Затем Лебедев-Кумач в процессе доработки текста стихотворения, возвращает слово «отребье» на своё место, понимая, что оно мощнее передаёт отношение народных масс к воинству, вероломно вторгнувшемуся на просторы Родины. При этом им используется ранее полученный текст от А. Бодя, в котором в этом куплете присутствовало слово «отребье», что и наблюдается в окончательном варианте черновика Лебедеву-Кумача, а затем и в текстах, опубликованных впоследствии*.

В хоровом же исполнении это слово, как ни странно, дожило до наших дней: хор так и исполняет этот куплет: «...Отродью человечества...». Видимо, полученное в первые месяцы войны стихотворение стало для хорового исполнения как бы эталоном для исполнения, и на «отребье» в этом куплете в дальнейшем не изменялось. Что ещё раз подтверждает использования текста А. Бодя как черновика при работе над своим вариантом «Священной войны» и поиск вариантов этого куплета (строфы) В. Лебедеву-Кумачом. Здесь следует отметить, что не все листки черновиков В. И. Лебедеву-Кумача с этой песней на сегодня доступны для просмотра, к ним нет допуска. Эти же два листка черновиков каким-то случайным образом цензоры просмотрели, дав обнаружить их, и они становятся ещё одним звеном в цепочке свидетельств по восстановлению истинного автора песни «Священная война, и установлению его соавтора.

Собрав воедино всё это множество прямых и косвенных свидетельств, и описаний создания, и исполнения этой песни, можно отметить только лишь одно: время создания этой песни определённо 1916 год, и автором первоначальных слов является А. А. Бодя. Поэт же

* Последовательно по изданиям: 1941 год — отродью, 1947 — отребью, 1953 — отребью, 1960 — отребью, 1967 — отродью, 1969 — отродью, 1975 — отребью, 1977 — отребью, 1987 — отребью.

В. И. Лебедев-Кумач при работе над песней использовал текст А. А. Бодякова как черновик, создавая новый её вариант, отвечающий времени, за что Зинаида Александровна была благодарна ему — песня получила вторую жизнь, но горечь от несправедливости не покидала её до последних дней.

* * *

Главное: она была вполне адекватным человеком... 85–86 лет, но старческого слабоумия не наблюдалось. А физическая немощь была: ноги болели, что не позволяло ей совершать дальние поездки, но по саду-огороду (помнится, на глазок размеры участка составляли где-то около 60 на 60 метров или чуть более) передвигалась, согнувшись градусов на тридцать, — согбенная фигура была, естественно, и иные, свойственные этому возрасту болячки были, но на них внимания не заострялось.

При общении никакой задержки в речи, моментальная реакция на задаваемые вопросы и ответы, и рассказы о чём-либо были правильно стилистически построены, — общение с ней не представляло никакой трудности, легко переходила от воспоминаний далёких лет к близким событиям, речь живая, чёткая, ясная. Я в то время даже не осознавал, что разговариваю с человеком, которому идёт девятый десяток лет, поскольку общение было на равных.

* * *

Вот и окончена третья часть моих случайных изложений видения событий создания песни «Священная война» в городе Рыбинске в 1916 году по мере поступления новых фактов. На это ушло ни много, ни мало — четыре года. Изначально я даже и не мыслил о проведении каких-либо поисков по авторству песни «Священная война» (помните, — в первой части: «Сколько времени прошло — правда, кому?» — это была моя моментальная реакция на ответ дяди Павла: «А кому это сейчас нужно?»), да и не проводил я их в полном понимании этого действия. Мне вполне хватало для истины тех слов в вагоне электрички в 1984 году, что произнёс мой дядя Павел: «...а князь Сергей кидал вилами сено и пел песню «Священная война» (В 1918-м дяде Павлу было десять). Человек, не слышавший и не видевший этого, никогда не поделится подобными воспоминаниями, поскольку смысла в этом высказывании, и тем более племяннику, никакого не было, кроме как нахлынувшего ностальгического настроения, при проезде знакомых с детства мест.

И с этими его словами, а затем рассказом Зинаиды Александровны я и жил, не делая никаких попыток что-то по этой теме разузнать поболее: зачем — и так всё понятно. Единственно, что я сделал, — об этом я поделился, вернувшись из командировки, у себя на работе в 1984 году,

и когда где-то, в начале 90-х, эта тема зазвучала по радио, — нашему коллективу технического отдела треста инженерно-строительных изысканий вся эта история была уже не в новинку.

Прошло около тридцати лет, и я совершенно случайно к этой теме прикоснулся вновь, когда в 2013 году готовил к размещению в Интернете одну из работ отца, Андрея Ивановича Чарушникова: его доклад, сделанный им на заседании петербургской городской секции библиофилов 28 декабря 1992 года, подготовленный к своему 80-летию: «Некоторые книги из моего книжного собрания».

В этом докладе им рассказано об общении в 1985 году с Зинаидой Александровной Колесниковой (урождённой Боде), и кратко освещена история создания песни «Священная война». Вот к этому-то его докладу я и подготовил сноску (см. выше: от августа 2013), которая дополняла рассказ отца, и в которой воспроизвел всё, что помню по этому делу*.

Так незаметно за четыре года разгадка создания и исполнения песни «С.. В.» в городе Рыбинске в 1916 году хоть и немного, но приблизилась к своему логическому завершению. Во всем изложенном нет неправды с моей стороны.

Что было, то было**.

Из письма от Виктора Чарушникова Андрею Чернову

В 1985 году мы с отцом провели несколько дней у Зинаиды Александровны Колесниковой (Боде), вечерами в разговорах о прошлом, которые шли параллельно с переписыванием отцом тетрадок Зинаиды Колесниковой, в которых ею описывалась история создания песни «Священная война», она внесла в комнату небольшой листочек, сказав, что это нотная запись песни отца, и составила эту запись её мама, имеющая музыкальное образование.

Листок был ею передан отцу, а затем попал и в мои руки: я его повертел, повертел, взглянув поверхностно, и передал в руки Зинаиды Александровны. По тем, более чем тридцатилетним временам, он меня как бы ничем и не заинтересовал: это был небольшой листочек размерами, как припоминается, не более 10×20 сантиметров слегка желтоватого цвета (видимо, от времени) и слегка плотноватый с закруглёнными верхними углами, а по низу не припоминаю. Каких-либо сделать усилий, чтобы его хорошо запомнить не прилагал... по тем временам я был просто немым

* http://az.lib.ru/c/charushnikow_a_p/text_1992_charushnikov_andrey_ivanovich.shtml.

** Третья запись сделана в октябре 2017 года, дополнена в мае 2019 г.

свидетелем происходящего, а ничего «особого» и не происходило — шёл разговор об очень, как мне казалось, далёких временах...

В центре листочка, по длинной стороне, был нанесён, как мне помнится, один ряд нотных знаков, не от края до края, а с некоторым небольшим отступлением от краёв, карандашом. И я бы не сказал, что «насыщенность» этими нотными знаками по продольным линиям была плотная — смотрелось довольно «прозрачно». Было ли что написано под этими нотными знаками, на сегодня не припомню.

При этом Зинаида Александровна, как мне припоминается, пояснила, что это не оригинал нотной записи, а её копия, переснятая наложением на стекло оконное (видимо, подобная копия направлялась в 1937 году вместе с текстом песни В. Лебедеву-Кумачу для её передачи композитору А. Александрову для дальнейшей её обработки). При этом карандашные линии были как бы нанесены дрожащей рукой и были не ровны, так бывает при снятии копий таким способом — линии получаются не ровными, что присуще копированным наложением на стекло документам.

Говорилось и про оригинал, в памяти по нему ничего чёткого отдельно не осталось, но смутно припоминается, что в рассказе Зинаиды Александровны говорилось о сожжении всех бумаг отца, когда он впал в беспамятство, вместе с ними был и сожжен оригинал.

А вот то, что было сказано, что за основу была взята мазурка с размером три четверти запомнилось хорошо. Тем более, что годом ранее об этом было мне уже говорено, а я, вернувшись домой из поездки в Москву, в том же году, говорил об этом со своими сотрудниками, сведущими в этом деле, и они, пошевелив губами, подтверждали мне: «да, три четверти».

Сейчас остаётся сожалеть, что отец, подержав эту нотную запись в руках, не удосужился сразу же перенести её в свою тетрадь, хотя позже, осознав в этом какую-то понятную ему необходимость, запись нотную этой песни всё же в тетрадь занёс, но это был уже не оригинал с копии, которую он совсем недавно держал в руках, а обработанная запись, взятая им из «Энциклопедии музыкального словаря» 1966 г.

В. А.

26 мая 2019*

PS. Думаю, это не верно ссылаться на жену Бode по трёхголосию, в силу того, что об этом в ту пору и речь не шла, песня исполнялась только самим Бode, и то в его авторском исполнении... Видимо, это уже дальнейшая обработка нот...

* Выражаю благодарность И. Е. Шапу, исследователю песни «Священная война», за просмотр моих записей и сделанные по ним замечания.